

Накита Соколов, российский историк. Эссе, произнесенное 23 августа 2022 года в Gedenk- und Begegnungsstätte Leistikowstraße Potsdam

Государственная историческая политика России и российские историки. Жизнь в противотоке времени

«En Russie, l'histoire fait partie du domaine de la couronne; c'est la propriété morale du prince comme les hommes et la terre y sont sa propriété matérielle; on la range dans les garde-meubles avec les trésors impériaux, et l'on n'en montre que ce qu'on en veut bien faire connaître. Le souvenir de ce qui s'est fait la veille est le bien de l'Empereur; il modifie selon son bon plaisir les annales du pays, et dispense chaque jour à son peuple les vérités historiques qui s'accordent avec la fiction du moment.»

Astolphe-Louis-Léonor, marquis de Custine. La Russie en 1839. Bruxelles, 1844. V.4. p.35

Европейский день памяти жертв сталинизма и нацизма отмечается 23 августа в годовщину подписания советско-германского «Пакта о ненападении» в 1939 году. Как полагают многие историки, именно это соглашение, сопровождавшееся секретным протоколом о разделе сфер влияния в Европе, открыло путь Второй мировой войне. Власти России со своей стороны не готовы не только уравнивать, но даже сравнивать гитлеризм и сталинизм.

Для меня большая честь и удовольствие, что организаторы пригласили меня выступить в этом собрании в этот памятный день с небольшим эссе о положении историков и истории в современной России. Эта тема неожиданно стала актуальной не только для России. Но для России особенно, поскольку российские историки и российские власти живут в прямо противоположных токах времени. Историки движутся в будущее, власти – в прошлое. Историки приходят к заключению о возможности и необходимости сосуществования, диалога различных нарративов о событиях прошлого (политического, гендерного, многообразных этнических...) Власти стремятся к авторитарной монополизации публичной истории в рамках единственно допустимого весьма эклектичного этатистского нарратива.

Научное историческое сообщество в России в целом, хотя и с некоторым понятным отставанием (вызванным долговременной советской гуманитарной автаркией) движется в русле и разделяет тренды мировой науки и считает себя частью этой науки. Можно сказать, что российское академическое историческое сообщество освоило те новые возможности и приняло ограничения, которые проистекали в социальных науках в конце XX века в силу усложнения исследовательских парадигм, которые принято называть «поворотами». Перечень таких когнитивных поворотов (антропологический, лингвистический, социологический, прагматический, пространственный, визуальный, материальный, рефлексивный и другие) хотя и велик, но хорошо известен.

В целом можно сказать, что российское общество также предъявляет запрос на историю методологически современного типа. Доклад, подготовленный социологами по почину российского Вольного исторического общества в 2017 году, показал: в России

существует две памяти. Первая — государственная. Она транслируется медиа («сверху вниз») и чаще всего рассказывает о героическом прошлом великого государства. Она создает сильную оценочную и идеологически конфликтную окраску прошлого. Вторая память — «народная». Она дана индивиду его семьей, предками и местом, где он вырос. Она поступает «снизу вверх» и базируется не на официальном слове государства, а на семейных и локальных источниках. В этом варианте прошлого в фокусе конкретный человек, а не государство, которое по большей части выступает мучителем и разрушителем. Тем не менее эта память работает на примирение гражданского сообщества, ее девизы: «признать, но не мстить».

Показательны в этом отношении работы российских школьников, поступавшие в течение 20 лет на конкурс «Человек в истории. XX век», проводившийся Международным мемориалом. Авторы мало интересуются героическими победами государства. Сердцевину народной семейной памяти составляют воспоминания о пережитых в этом веке трагедиях самая страшная из них даже не война, а большевистская коллективизация — «раскрестьянивание» России.

Власти же пропагандируют архаичный образ истории свойственный скорее даже XIX веку нежели XX. Этому образу свойственна эклектика величия. История России великолепна во все времена. Царство-империя-СССР сливаются в единую сущность.

Символически этот курс был обозначен уже в начале декабря 2000 года, когда Госсовет РФ предложению Владимира Путина принял решение о российской государственной символике: демократический — изначально в Российской империи «торговый» или «народный» - флаг «триколор» (провозглашен государственным 22 августа 1991 года), герб — царский двуглавый орел, и музыка советского гимна. Это был первый существенный символический шаг Путина по возвращению не просто в советское прошлое, но в героический сталинский миф, поскольку никакой новый текст (нового текста еще не было) не сможет стереть намертво приставшие к музыке Александра Александрова слова, славящие Ленина и Сталина.

Эта символика обнажает главную фальсификацию исторической памяти, совершенную новой российской властью — подмену исторического основания современной России. У антропологов есть важное понятие - миф основания нации (взятие Бастилии — для Франции, Декларация независимости — для США, Великая октябрьская социалистическая революция — для СССР) событие с которым политическая нация символически связывает начало своего бытия. Естественным для новой России был бы демократический миф, который легко и непротиворечиво мог быть сконструирован на основании событий августа 1991 года — когда за несколько дней коммунистический режим был сокрушен силами свободных граждан. Но путинскому режиму глубоко чужды ценности августовской революции: свобода, демократия, достоинство/права человека. И датой основания российской политической общности провозглашается «великая победа» мая 1945 года. Причем эта победа совершенно отделяется от памяти о страшной кровавой войне. Как только вы берете такую точку основания — естественно возникает образ «генералиссимуса победы» Сталина в белоснежном парадном френче. Между тем это фигура глубоко раскалывает российское общество, для которого память о репрессиях и коллективизации столь же важна и болезненна, как и память о войне.

Борьба за желательный образ прошлого ведется в пространстве «публичной истории», которая в отличие от научной не ограничивается получением корректных ответов на конкретные вопросы, но нуждается в целостном внутренне непротиворечивом «национальном нарративе». Таких конкурирующих нарративов к концу 1990-х (моменту начала борьбы за монополию одного из них) можно довольно условно выделить пять.

1. Новая «государственная школа». Основы подхода: подчеркивается ведущая роль и заслуги «строителей государства», любые затраты и жертвы оправдываются целью достижения величия России. Величие измеряется присоединяемыми территориями. Внешняя экспансия всегда оправдана обеспечением безопасности и необходимостью получения доступа к ресурсам и торговым путям. Главные герои главные - Петр I, Сталин и Александр III, антигерои – все революционеры и диссиденты. Главные «фигуры умолчания» – негативные результаты деятельности «героев» (с которыми приходится сталкиваться их «наследникам», в результате чего «наследники» представляются ничтожествами и бездарями) и преступления государства (усиление крепостного права и страдания крестьянства при Петре, ГУЛАГ, масштабы репрессий и жертв «модернизаций сверху»).

2. Либеральная концепция. Основы подхода: история России – летопись борьбы общества с государством за право определять судьбу страны. История постепенной эволюции государственного строя в направлении европейской демократии. Герои – реформаторы-либералы: Александр I, Никита Хрущев, Михаил Горбачев, Борис Ельцин (с оговорками), представители либеральной интеллигенции, лидеры Конституционно-демократической партии в начале XX века, диссиденты-правозащитники советских времен. Отношение к Петру I двойственное: его хвалят как западника, но осуждают за жестокие методы проведения реформ. Антигерои – Иван Грозный, Сталин. Внешняя экспансия в некоторых случаях оправдывается (в основном в восточном и южном направлениях, поскольку «несла прогресс отсталым народам»), но осуждается в западном направлении (Польша, Прибалтика), так как навязывала более развитым народам отсталые формы государства. О чем умалчивается: о сложных отношениях между либерализмом и демократией.

Эти два нарратива распространены весьма широко и между ними идет основная конкуренция. Следующие три гораздо менее популярны.

3. Националистическая концепция. Основы подхода: Россия – «государство русского народа», история страны – постепенное освоение русским этносом евразийского пространства. Украинцы и белорусы – часть русского народа. Герои – Петр I, Александр III, Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский, генералиссимус Александр Суворов, маршал Георгий Жуков, а также писатели-антисемиты (прежде всего Достоевский и Солженицын). Антигерои – польские мятежники, большевики, имевшие еврейские корни (Лев Троцкий, Григорий Зиновьев, Лев Каменев, Владимир Ленин - Бланк по материнской линии). Существо исторического процесса – борьба за ресурсы между представителями разных этнических групп, которым приписываются врожденные неизменяемые черты. Умалчивается о современных конструктивистских концепция образования наций, о ценности многонациональности для современных обществ.

4. Цивилизационная концепция. Основы подхода: в мировой истории соперничали несколько цивилизаций, одной из которых являлась Россия наравне, например, с Европой. В основе цивилизаций лежат различные религиозные традиции, определяющие разные способы хозяйствования и формы отношений государства и общества. Герои – создатели отечественной культуры и государства, стремившиеся обосновать «особый путь» России. Антигерои – западники, ставившие перед собой ложную цель – догнать Европу. Внешняя экспансия естественна в рамках своего «цивилизационного ареала». Умалчивается о плодотворных заимствованиях институтов, о тех областях, в которых несомненна стадильность развития (технический прогресс).

5. Постколониальная концепция. Вся история является историей угнетенных классов и социальных групп. Герои – «простые люди», женщины, представители

покоренных народов, а также вожди народных восстаний. Антигерои – деспотические правители, чья деятельность имела пагубное влияние на жизнь угнетенных групп: Петр I, Екатерина II, Сталин. Сторонники этого подхода не всегда готовы признавать позитивную роль государства и элит в развитии страны.

«Битва за прошлое» идет в самых разных формах. Полем этой битвы становятся школьный курс истории, праздники и музейные экспозиции, практики коммеморации и мемориальные законы. Не претендуя на полноту, что невозможно в коротком эссе, я лишь пунктирно намечу основные этапы этой властной монополизации исторического дискурса.

Первая атака новейшей государственнической школы пришлась на школьные учебники. Властители привычные к советскому «единственно правильному» монологичному учебнику, ополчились на учебники нового типа, которые появились в России в середине 1990-х. Они были по необходимости посвящены истории XX века (обновить описание предшествующих эпох казалось менее срочной задачей).

30 августа 2001 года премьер-министр Михаил Касьянов на заседании кабинета посетовал, что власти мало обращают внимания на учебники истории и история новейшего времени излагается так, что не дает поводов для гордости (ему показали учебник Игоря Долуцкого). Министерство образования немедленно объявило конкурс на новый учебник новейшей отечественной истории. Победителем министерского конкурса 15 марта 2002 года был признан авторский коллектив под руководством Никиты Загладина. 2 декабря 2003 года министр образования Владимир Филиппов изъял учебник Игоря Долуцкого «Отечественная история. XX век» из списка рекомендованной школьной литературы, куда он входил с 1993 года.

Сравнение этих двух текстов (Долуцкого и Загладина) дает вполне ясное представление о желательных для режима изменениях в подходе к школьной истории.

Дело даже не в различии пресловутых «оценок» исторических деятелей и событий. Хотя и здесь есть существенная разница. У Загладина, к примеру, все оценочные суждения анонимны. Николай II, в частности «был, безусловно, умен (в литературе его часто несправедливо именовали «умственным ничтожеством»), но его кругозор был ограничен». Между тем для осмысления подобных оценок очень важно знать, кто и на каких основаниях оценивает. Поэтому Долуцкий поступает гораздо корректнее, когда прямо цитирует Витте, утверждавшего, что государь «обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства», и дневник самого Николая, который в день Февральской революции «пил чай и играл в домино» (более важных событий для занесения в дневник не случилось).

Беда в том, что два учебника совершенно различно понимают смысл истории и назначение школьного курса. У Загладина «знание истории предполагает не только освоение определенной суммы фактов о прошлом, но и умение разделить их на главные и второстепенные, объяснить их значение для настоящего и будущего, выделить основные тенденции развития нашей страны в различные периоды ее жизни». Причем деление событий на «главные и второстепенные» авторы производят сами. Если бы эта команда была знакома с какой-нибудь еще литературой вопроса помимо кондово марксистской, ей было бы известно положение, в современной науке принимаемое за аксиому, – различные способы выстраивания причинно-следственных цепочек не исключают, а дополняют друг друга, в результате чего и складывается объемное представление об историческом пути народа.

Долуцкий формулирует эту проблему вполне ясно: «Наконец-то мы осознали, что ни ученые, ни учителя не обладают абсолютной истиной. К ней надо идти, продираясь сквозь хитросплетения мифов, порожденных многолетней фальсификацией отечественной

истории. Поэтому в основе учебника – диалог с читателями и совместный поиск. Тот, кто ожидает окончательных решений, будет разочарован. Нет в учебнике и единственной точки зрения. Факты, представленные в нем, позволяют делать различные выводы».

Учебник Долуцкого предельно, диалогичен. Различные трактовки исторических событий сталкиваются на его страницах в виде документов и описаний событий, подаваемых как аргументы в защиту различных способов понимания, ни один из которых не преподносится как безусловно верный. Собственно это и вызвало ярость премьер-министра. Детям видите ли представляется обсудить и самим решить, как оценивать правление нынешнего президента, причем в числе суждений приводились высказывания публициста Юрия Буртина, который писал, что в России после избрания Путина установился авторитарный режим, и лидера партии «Яблоко» Григория Явлинского, назвавшего Россию «полицейским государством».

У Загладина диалог откровенно фиктивен. Врезки, обозначенные стандартным заголовком «Точка зрения», содержат три-четыре анонимных тезиса, которые никак не соотносятся с содержанием дальнейшего текста. «Второстепенные» сведения из изложения изымаются, и список этих умолчаний весьма характерен. Гражданская война в лучших советских традициях преподносится как столкновение только красных и белых. О «зеленых» упоминается вскользь, дескать, не было у них «одной идеологии». Между тем в науке давно установился, а с недавнего времени стал попадать и в учебники более корректный взгляд на гражданскую войну как распрю не двух, а трех лагерей, и достаточно, как это делает Долуцкий, процитировать воззвания предводителей повстанцев Махно и Миронова, чтобы даже не самому смышленому десятикласснику стала понятна идеология «зеленых» - собственно крестьянских масс.

В учебнике Загладина нет ни слова о «репрессированных народах» (ни о высылке в сталинскую эпоху, ни о частичной реабилитации - в хрущевскую) и оттого «подъем национализма в автономных республиках России» в 1990-91 годах, а затем чеченский сепаратизм выскакивают как черт из коробки, вовсе без исторического объяснения, совершенно немотивированными. Странно напоминать – в реальной истории случались эпизоды, вызывающие не только гордость, но и стыд. И есть надежда, что российские дети, узнав из учебника Долуцкого, что «в 1956 году следственная комиссия по расследованию обстоятельств выселения обнаружила в чеченских аулах кости заживо сожженных женщин, детей, стариков», смотрели бы на современный кавказский конфликтный узел несколько мудрее.

Не находится места у Загладина и для информации о блокаде Ленинграда, она не упоминается вовсе. И потому пафосные заключения - «главным действующим лицом этой войны и его победителем был многонациональный народ СССР» - провисают казенным советским блудословием. Нету у Загладина места для народа, его надежд и стремлений, жертв и страданий. У него действует «историческая закономерность» и ее полномочный представитель – государство, которое мы обязаны любить «и черненьким».

Учебник Долуцкого при всех его недостатках действительно был тем, на что и претендовал, – «шагом к созданию комбинированного учебника истории нового типа, т.е. учебника, обучающего думать и поэтому построенного на основе синтеза собственно учебника (текстов), хрестоматии (разнообразных исторических источников) и задачника (проблемные познавательные вопросы и задачи)». Учебник Загладина, одобренный министерством, представляет собой по существу катехизис, который надобно выучить наизусть и верить, «ибо нелепо».

Впервые в постсоветскую эпоху в учебнике Загладина делается попытка оправдать при помощи «исторической закономерности» преступления сталинского государства:

«Глубинной предпосылкой массовых репрессий 1936-38 гг. были противоречия, возникшие в ходе социалистической модернизации». У Долуцкого же главный герой конкретный человек, а стержень повествования - его сопротивление натиску преступного государства.

Но и загладинский довольно пресный продукт не вполне удовлетворил власти и 27 ноября 2003 года Владимир Путин сформулировал задачу более отчетливо. На встрече с историками в Российской государственной библиотеке он заявил, что «в свое время историки напирали на негатив, так как была задача разрушить прежнюю систему... Сейчас у нас иная - созидательная задача. При этом необходимо снять всю шелуху и пену, которые за эти годы наслоились», а учебники «должны воспитывать у молодежи чувство гордости за свою историю и свою страну».

Новый «нормативный» продукт кремлевская администрация презентовала публике летом 2007 года. Пособие для учителей по истории XX века, подготовленный командой политтехнологов во главе с Александром Филипповым полностью оторицало перестроечный либеральный консенсус и предложило новую модель прошлого, к которому нынешняя власть желает принудить российское общество. Его основные черты:

- история есть борьба «цивилизаций», несходных социальных миров, уподобляемых живым организмам;
- Россия вновь представлена «осажденной крепостью», находящейся в кольце врагов, главнейший и опаснейший их которых - США;
- из этого следует абсолютная неизбежность и необходимость «русской модели управления», сопряженной с периодическими «мобилизациями» населения и сосредоточением ресурсов в руках авторитарного государства;
- террор оправдан, как средство формирования эффективной элиты общества – класса людей «преуспевших в невозможном»;
- победой во Второй мировой войне СССР обязан сильной государственной системе и лично мудрому Сталину.

Характерно, что книга составлена командой политтехнологов, ни один профессиональный историк не захотел принять участие в этом проекте.

Однако несмотря на усиленное административное продвижение книги в школы, учителя не стали пользоваться пособием.

Точно также оказалась торпедирована в 2013 году научным и педагогическим сообществом идея единого учебника истории. Профессионалы не допустили создания нового «канонического нарратива», по замыслу он должен был иметь такое же нормативное значение как сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)». Вместо единого нарратива появился «Историко-культурный стандарт», программа, состоящая из назывных предложений без оценок, перечисляющая основные события и действующих лиц российской истории.

Таким образом больших успехов на традиционных полях педагогической истории государственная школа не достигла. После этих неудачных опытов по всей видимости к менеджерам «исторической политики» пришло понимание, что в современных обстоятельствах школьный учебник не самое важное средство пропаганды желаемого образа прошлого, а профессиональная среда академических историков и педагогов оказала достаточно упорное сопротивление.

Наибольшего размаха и некоторого успеха пропаганда нового исторического канона достигла в области визуальной. С 2013 года в России формируется система мультимедийных исторических парков «Россия — моя история», в которых представлена вся история России с древнейших времен до наших дней. Огромные павильоны не имеют

материальных артефактов. История представлена исключительно на мультимедийных экранах. Павильоны состоят из 4 выставок, которые были первоначально представлены порознь. Первая выставка «Романовы», подготовленная по инициативе Патриаршего совета по культуре при поддержке правительства Москвы была представлена 4 ноября 2013 года в Московском Манеже. Следующие выставки проекта также были презентованы в Московском Манеже. В 2015 году была открыта постоянная экспозиция в 57 павильоне Выставки достижений народного хозяйства. Уже эти сводные выставки были клонированы в 24 городах России с добавлением небольших региональных разделов (которые к чести региональных историков сделаны исключительно добротной и профессионально). 25-ый исторический парк откроется в будущем году в оккупированном Луганске на востоке Украины. Концепция парков совершенно архаическая, свойственная XIX столетию – история рассказывается «по царствованиям и княжениям», каждому правителю определен особый стенд. Успех правления измеряется исключительно приращением территории. Все успехи страны принадлежат правителям. Все зло от внешних врагов и внутренних предателей (к ним относятся все силы, стремившиеся либерализовать систему – революционеры и либеральные теоретики, предводители казацких восстаний и т.п.).

Историки решительно критиковали парки за ненаучность и клерикализм. Несмотря на это, Министерство образования рекомендовало ректорам вузов использовать ресурсы экспозиции парка на уроках истории. Путин призвал включить парки в национальную программу «Образование», в них стали водить школьников.

На выставке практически всегда представлена только одна сторона и не слышны голоса разных людей. Если нам рассказывают про диссидентов советского времени, то цитаты будут исключительно из Филиппа Бобкова, начальника 5-го управления КГБ, боровшегося с «идеологическими диверсиями». Мысль о полифоничности и поливариантности истории, похоже, даже не приходит в голову устроителям «исторических парков». И главный недостаток выставки даже не конкретные ошибки, а общая жесткая монологичность. Существенным сюжетом этого монолога оказывается, в частности, систематическое противопоставление России враждебному «Западу». При этом совершенно игнорируется история сотрудничества России с «западными» странами, история России как европейской страны.

Первоначальный успех исторических парков был обеспечен новизной формы, особенно в провинциальных городах. Однако вскоре публика к ним охладела. Не в последнюю очередь потому, что содержательно они были исполнены чрезвычайно непрофессионально. В частности стены каждого раздела украшали вымышленные «цитаты» негативных отзывов о России, якобы принадлежащие Бисмарку, Черчиллю, Тетчер и другим европейским лидерам.

Историческая пропаганда делается вообще чрезвычайно непрофессионально. Возможно это связано с тем, что важнейшие советники, формирующие представления Владимира Путина и историческую политику не имеют соответствующей квалификации. Бывший министр культуры, а ныне помощник президента Владимир Мединский (создатель и председатель Военно-исторического общества) окончил Институт международных отношений. Формально он имеет степень доктора исторических наук. Но только экспертный совет Высшей аттестационной комиссии по истории признал его труды антинаучными и рекомендовал лишить его степени. На что Министерство просвещения, однако, не пошло, грубо нарушив процедуру. Митрополит Псковский Тихон (Георгий Шевкунов) окончил сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии и на поле публичной истории дебютировал в январе 2008 года фильмом «Гибель империи. Византийский урок». Который специалисты охарактеризовали как

грубую публицистическую агитку, не имеющую вовсе никакого отношения к реальной истории. Сергей Нарышкин – председатель Российского исторического общества с 2012 года и глава внешней разведки РФ – по специальности инженер-радиомеханик.

В должности председателя Российского военно-исторического общества Мединский курирует все властные мемориальные проекты. Общество установило десятки памятников и мемориалов (Князю Владимиру в Москве, Ивану III в Калуге, Мемориал Советскому солдату подо Ржевом, «Сынам России» в Словении, «Прощание славянки» и «Героям Первой мировой войны» в Москве, Калининграде и др., 100-летию завершения Гражданской войны в Севастополе), Александру III в Гатчине. Особенно следует отметить памятник Ивану Грозному в Орле — первый в истории России. Характерно что Грозного нет на памятнике 1000-летия России в Новгороде. В 1862 году этого не допустило новгородское общество.

Власти симулируют общественную поддержку исторического курса, создавая псевдообщественные организации. Самая активная из них - Российское военно-историческое общество под председательством Мединского. Общество было создано в соответствии с указом президента Российской Федерации № 1710 от 29 декабря 2012 года. Деятельность РВИО финансируется по линии Министерства культуры и частными жертвователями.

Понимая недостаточность этих мер и их ограниченный успех власти перешли к прямым цензурно-карательным мерам. 23 апреля 2014 года Государственная Дума РФ дополнила уголовный кодекс статьей 354¹ «Реабилитация нацизма». Эта статья неоправданно расширяет «реабилитацию» или оправдание нацизма до «распространения заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны», «распространения выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества», а также до «осквернения символов воинской славы России, совершенных публично». Такой подход размывает само понятие «нацизм», снижает в общественном сознании его неприемлемость, ставя оправдание преступлений против человечности в один ряд с хулиганством. К памятным датам России, связанным с защитой Отечества, относятся события «Ледового побоища», Куликовской битвы и других побед русского оружия в течение многих веков, которые в новом законе непонятным образом также увязываются с борьбой с нацизмом. Историческая наука представляет собой поиск истины, неотъемлемый от постановки острых исследовательских вопросов. Теперь историки имеют основание опасаться, что такой поиск может быть произвольно объявлен «распространением заведомо ложных фактов», а обнаружение новых исторических источников – «искусственным созданием доказательств обвинения». Закон запрещает «отрицать факты» установленные Нюрнбергским трибуналом. Таким образом, вместо принципиального осуждения некоторых практик государства как преступных, новый закон защищает исчерпывающий перечень фактов, попавших в приговор Нюрнбергского трибунала, одновременно запрещая применение его принципов к исследованию других событий Второй мировой войны. В целом в отличие от европейских мемориальных законов защищающих память жертв государственного насилия, российский закон воспрещает говорить о преступлениях репрессивного государства. Опасность подобных норм закона в их неопределенности и возможности применения в целях преследования за изложение политически неправильной точки зрения на исторические события.

Апофеозом законодательной регламентации истории стали изменения, внесенные в 2020 году в российскую конституцию. Основные изменения в направлении «историзации» основного закона России сосредоточены в новой статье 67(1), расположенной сразу за

статьей 67, определяющей территорию страны; видимо, по замыслу авторов поправки, новая статья определит время так же, как предшествующая определяет ее пространство. Отметим, что новая статья вносится в главу 3 «Федеративное устройство», разрушая ее логику и подрывая смысл. Первый пункт статьи утверждает, что «Российская Федерация является правопреемником Союза ССР». Но уже пункт 2 начинается фразой «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей», – почему «тысячелетней»? красиво звучит? Однако нельзя не заметить, что формула напоминает также красиво звучавший недоброй памяти «тысячелетний рейх». Если же понимать временной промежуток буквально, то 1000 лет назад не существовало ни Российской Федерации, ни России, а страна, от которой ведут преемственность несколько современных государств, имела столицей Киев. Пункт 3 «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды». Разные социальные группы, разные поколения задают прошлому свои вопросы, и получают на них разные ответы, – тут нет места государственной монополии, которая в этой области равна идеологии, запрещенной российской Конституцией. Внесение в Конституцию понятия «исторической правды» предполагает, что государство обладает такой правдой и защищает ее. Это губительно для исторической науки и разрушительно для исторического самосознания общества.

Параллельно осложняется технически возможность научной работы по истории. Осложняется доступ к архивам. Министр обороны Шойгу 12 ноября 2020 года издал два приказа, касающихся истории Второй мировой войны. Известно о них стало только в марте 2021-го. Оба приказа крайне затрудняют доступ к архивам военного ведомства и соответственно объективное исследование Второй мировой. Очевидная цель - не допустить исследователей к документам Министерства обороны, затрагивающим болезненные для нынешнего руководства военного ведомства и правительства России вопросы, и публиковать только те документы, которые представляют Красную армию и политику Советского государства в период Второй мировой войны исключительно с положительной стороны.

Это неудивительно, поскольку история Великой Отечественной превратилась в официальную гражданскую религию, критика которой так же невозможна в России сегодня, как невозможна была критика православия в Российской империи.

Одновременно ведется атака на независимые институты экспертизы прежде всего на Академию наук. Первая попытка была предпринята в 2008 году, когда по замыслу президентской администрации во главе РАН должен был стать лично близкий к Владимиру Путину консерватор Михаил Ковальчук, директор Курчатковского института (исследовательский центр в области ядерной энергетики). Но строптивые академики не избрали его в действительные члены, и план провалился. Вторая попытка была более успешной. В 2013 году Академия была реорганизована. Нормативной базой реформы стал закон № 253-ФЗ от 27 сентября 2013 года «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В результате к «большой Академии», как ее фимильярно называли, дабы отличать от менее авторитетных организаций, также числящихся «академиями», были присоединены академии медицинских и сельскохозяйственных наук, чья ученая репутация гораздо ниже. А финансовые и материальные ресурсы академии были изъяты из ведения избираемого Президиума РАН и переданы вновь учрежденному бюрократическому органу - Федеральному агентству научных организаций (ФАНО). По существу РАН утратила независимость и отчасти экспертный авторитет. Осенью 2019 года был проведён опрос академиков, членкоров и профессоров РАН об итогах

реформирования государственных академий. 64 % опрошенных отметили, что «положение в российской науке за годы реформы ухудшилось».

Российские университеты также по большей части оказались под бюрократическим контролем и утратили экспертный потенциал. Война с Украиной подвела черту под попыткой российских университетов быть свободными. Уже осенью 2022 года они фактически не смогут предложить студентам высшее образование в области социальных и гуманитарных наук, которое бы ценилось за пределами России. Свобода исследований тоже закончилась. Уже с 2005 года доля госфинансирования в доходах вузов превысила поступления от платного образования. Первоначально госконтроль пришел в вузы для «оценки эффективности траты госсредств», но постепенно затронул и содержание образования и исследовательской деятельности: государство как «заказчик музыки» вошло во вкус. Получив деньги, университеты утратили остатки самоуправления. Уже с начала 2000-х годов практически были отменены выборы деканов и завкафедр, а с 2015 года в большинстве вузов выборы ректора заменили назначениями. В более богатых университетах ректоры чаще назначены, чем выбраны. Роль ученых советов в университетах снижается, а попадают туда теперь в основном назначаемые ректором руководители подразделений. В вузах сформирована та же вертикаль власти, что и в остальных бюджетных учреждениях, а «академические свободы» стали пустым звуком. Наметился решительный отказ от встраивания России в мировую науку и укрепление «туземной». Той самой, что исследует «духовные основы суверенитета»,

Таким образом в случае российской исторической политики мы имеем дело по существу с ультраконсервативной правой идеологией. Отчасти она зафиксирована в поправках к Конституции 2020 года. Это так называемые традиционные ценности. Причем вымышленные, потому что в модернизированном постиндустриальном обществе, таких ценностей в оформленном виде, вне национального исторического фольклора и этнографии, не существует. Налицо всеобщий Gleichschaltung — подчинение всех слоев общества государству и его идеологии.

Российское гражданское общество при этом лишено инструментов противодействия этой архаизаторской атаке на историческую память. Оппозиционные партии приведены в ничтожное состояние. Свободная пресса ликвидирована. Академическая историческая корпорация слаба и в значительной части коррумпирована. Социологическое исследование, проведенное в 2019 году по почину Вольного исторического общества показало, что сами историки считают главнейшими дефектами профессиональной исторической среды «низкий профессионализм части сообщества» (66% ответов), «кризис моделей организации и финансирования науки» (64%), «слабую связанность сообщества» (44%) и «политическую ангажированность историков» (43%). Лишь 2% респондентов считают, что «существенных проблем нет».

«Низкий профессионализм коллег» безусловно важнейшая проблема, которую должно решать как раз профессиональное сообщество, контролируя образование и доступ в профессию. Однако система присуждения научных степеней не полностью контролируется профессионалами (см. казус Мединского с сохранением его степени вопреки мнению историков, выраженному в рекомендации Экспертного совета ВАКа), а уровень профессионализма снижается также из-за низкого престижа научной карьеры, связанной, в целом, с невысокими ожиданиями заработка и большим бюрократическим прессом.

К исторической политике власти ученые относятся отрицательно: поскольку, по их мнению «Она направлена на формирование представления об особом пути России» - 61%, - «Она направлена на формирование изоляционистского сознания» - 56%.

Деятельное и сплоченное историческое сообщество в России потенциально возможно, но формирование его не завершено. Сообщество это объединяется общей приверженностью научным стандартам изучения прошлого. Большинство опрошенных историков, вне зависимости от места жительства, аффилиации и общественных идеалов, согласны с тем, что «История – наука, и не имеет других целей, кроме установления истины».

Значительная часть опрошенных считает науку единым мировым феноменом и не мыслит существования вне ее, небольшая часть – в основном исследователи российской истории – исповедуют «академический изоляционизм», противопоставляя российскую науку науке мировой.

Историки признают слабое свое влияние на формирование исторического сознания общества и считают это положение ненормальным и подлежащим исправлению, поскольку по убеждению большинства опрошенных историков общество и государство «обычно недостаточно учитывают уроки истории» и «делают неверные выводы из уроков истории».

Положение исторического знания в России печально. Оно близко к тому которое описывал при посещении России в 1839 году Астольф де Кюстин (смотри эпиграф).

Российский гражданин, знакомый только с «государственно-героической» версией родной истории, а таковых, безусловно, большинство, не только получает совершенно извращенное представление о существе истории – свободной деятельности человека, но и лишается причастности к давней и содержательной традиции российского «народоправства». Неудивительно, что при таком представлении о прошлом либеральные идеи встречаются настороженно, как не соответствующие национальной традиции, поскольку, как выразился один популярный политик, «естественный путь для нас — самодержавие».

Устаревший образ российской истории вступает в явное противоречие с демократическими «инстинктами» российских граждан (состояние это уже названо «исторической шизофренией») и блокирует усилия либеральных идеологов. Безусловно желательно, было бы для успешного развития гражданского общества содействовать распространению образа российской истории более сообразного с представлениями выработанными современной наукой.

Однако вероятность такого пересмотра в ближайшем будущем невелика, поскольку научное историческое сообщество в России не сложилось в экспертную корпорацию, заслужившую доверие общества (это одно из печальных последствий советского периода, когда специальным образом препарированная история служила фундаментом государственной идеологии, а профессиональные историки без разбору рассматривались широкой публикой как служители этого культа).

Само общество, находящееся под властью традиционных представлений об истории как «памяти о славных деяниях героических предков», не готово сформулировать заказ на построение исторического нарратива нового типа. И уж точно не готова принять европейский взгляд, согласно которой можно вспоминать жертв нацизма и жертв сталинизма в один день памяти и вместе осуждать преступления, поскольку это будет восприниматься как уравнивание этих двух комплексов преступлений.